

Ч И Т А Й Т Е Р О М А Н Ы
К О Р О Л Е В Ы П С И Х О Л О Г И Ч Е С К О Й И Н Т Р И Г И

А Н Н Ы Д А Н И Л О В О Й

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы ник
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката,
или Плосhevый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная пещищность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым

Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую
жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хропки Розмари
Солнце в ночном небе
Лединое ложе для брачной
почи
Подарок от злого сердца
День без любви
Нечальная принцесса
Призрак Монро
Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Ванга
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Деять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамины любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все

Аромат желания
За спиной — двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья

Прекрасный возраст, чтобы
умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая
ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь — прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество

АННА ДАНИЛОВА

А на что ты готова ради мести?

ВИТАМИН ЛЮБВИ

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

Данилова, Анна Васильевна.

Д18 Витамин любви : [роман] / Анна Данилова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. —
(Эффект мотылька. Детективы Анны Данило-
вой).

ISBN 978-5-699-98367-4

Она привыкла влюблять, покорять, восхищать. Мужское сердце для Милы — трофей, которым она не слишком дорожит: завоевывает, использует, потом легко бросает. В сердечных делах ей даже интереснее одерживать верх над соперницами, ведь просто любить скучно. Неужели ни одна из них не готова отомстить? Или мстить должны те, кого она шуточки ради успевает назвать виновными в своей смерти, перед тем как исчезнуть?..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98367-4

© Дубчак А.В., 2017
© Оформление. ООО «Изда-
тельство «Э», 2017

1

3 февраля 2010 г.

Наступило какое-то оцепенение. От шока почему-то появилось много сил, и она, как ей тогда казалось, могла просидеть на холодной лестнице еще долго, до скончания века, что называется. Она забралась на пролет выше, устроилась на самой верхней ступеньке, неподалеку от мусоропровода, и не отводила взгляда от интересующей ее двери. Иногда ей начинало казаться, будто бы дверь расплывается, покачивается, становится мутновато-мармеладной, и стоит только приблизиться к ней и попробовать шагнуть, как нога увязнет в тугий мягкости, а там... Вот о том, что происходило за дверью, она старалась не думать. Было страшно и очень больно. А еще она злилась, она никак не могла понять, как могло произойти, что ей, и без того невезучей и несчастной уже по факту своего рождения, приходится теперь терпеть и это. За что? Почему одним — все, а другим — ничего? Некоторые сейчас сидят в теплой квартирке и попивают чаек (или кофе, или шампанское, или просто красное вино), прислушиваясь к биению сердец и к завыванию февральского ветра за окном. А дру-

гим (ей, к примеру) приходится сидеть на ледяной лестнице и завывать самой от боли и унижения?.. Неужели мир устроен таким образом, что в нем нет порядка и никто там, наверху, не контролирует распределение счастья и горя? Кто-то не может закрыть холодильник из-за того, что он переполнен, а другие страдают от элементарного голода?

Сначала замерзли пальцы рук. Не спасали даже перчатки, и Тина пожалела, что не надела толстые вязаные варежки. Потом стали неметь ноги, обутые в меховые ботинки. Тонкие и вполне даже ничего выглядевшие ботиночки на натуральном меху. Ну не в валенках же ей было сюда приходиться? Потом она сама, как ей казалось, начала примерзать к ступеням.

И вот приблизительно тогда-то и раздался звук отпираемой двери и легкие шаги. Она почему-то сразу подумала, что это Тамарка идет выбрасывать мусор. И кто только придумал эти мусоропроводы? Эти вонючие колодцы отбросов, в которых благополучно жиреют крысы? Очень страшное место, если разобраться, просто дьявольское. Не зря же именно туда отчаявшиеся молодые мамы выбрасывают своих нежеланных новорожденных детей...

— Тина? — У пахнущей домашними пирогами Тамары округлились глаза. — Зачем ты здесь? И давно?

— Давно... Сама знаешь.

— А чего ко мне-то не зашла?

— Зачем?

— Ну... Поговорить, погреться. Да ты сошла с ума! Нельзя так! Ты же придатки застудишь! Или вообще схватишь воспаление легких и умрешь! Чего ты этим добьешься?

— Одной дурой станет меньше... И в классе одной бездарной ученицей — тоже.

— Ну, точно дура. Быстро поднимайся, и пойдем ко мне...

— Нет. Я не пойду.

— Но ты же замерзнешь!

— И пусть!

Она почувствовала, как к лицу прилила кровь и в глазах защипало. Еще немного, и она разрыдается здесь, на лестнице, чего уж никак нельзя допустить.

Между тем Тамара деловито взяла ее за руку и потянула на себя.

— Быстро поднимайся. Не сходи с ума, Тина! Он этого не стоит. Прошу тебя, пойдем, иначе может случиться непоправимое... На улице холод и ветер... ты на самом деле можешь простудиться. А я-то дура какая! Зачем позвонила и рассказала? Теперь, если что случится, я себя винить буду. Тина, пожалуйста, вставай!

— У тебя родители, я не могу... Что скажу?

— Да что особенного в том, что ко мне пришла подружка с ночевкой? Подумаешь? Обычное дело!

Тина уступила. Инстинкт самосохранения дал себя знать. К тому же она так ясно представила себе, как уже входит с Тamarой в ее теплую квартиру, как забирается в ванну, до краев наполненную горячей водой.

— Да, ты права... — в голосе ее звучали слезы. — Только ванну мне налей... И чтобы вода была горячая... Я не знаю, что со мной, но так хочется в горячую воду...

— Вот умница. Пойдем-пойдем... Бедняжка... А я-то хороша?!

Уже перед тем как войти в квартиру Тамары, Тина обернулась и последний раз взглянула на дверь, которая сейчас выглядела огромной, нелепой и почему-то страшной.

— Пойдем, мама уже спит, мы с тобой, после того, как ты, конечно, согреешься, попьем чаю. Мама испекла такие пирожки... И вообще, Тина, жизнь прекрасна...

«Только не для меня», — с горечью подумала Тина и судорожно вздохнула.

2

4 февраля 2010 г.

Вот уже два дня как они гостили в Москве. Валерий Николаевич, старинный друг мужа, пригласил на юбилей. Ирина откровенно сучала,

поскольку за столом (холеному розовощекому человеку с ухватками успешного бизнесмена исполнилось пятьдесят лет) не было ни одного знакомого лица. Не с кем поговорить, да и желания знакомиться, скажем, с женами приятелей Валеры, тоже не было. Все они, москвички, казались Ирине чужими, заносчивыми и недоброжелательными. Однако надо же было получать удовольствие хотя бы гастрономического толка, поэтому она, забыв про свои саратовские диеты и привычный образ жизни, спокойно поела вкуснейшие салаты, закуски, сравнивая их с тем, что готовила сама.

Несмотря на то, что Валерий Николаевич мог бы себе позволить отметить юбилей в каком-нибудь дорогом московском ресторане, семья решила пригласить самых близких друзей и родственников домой. Поэтому на столе было много самодельных овощных консервов и вкусных пирогов. Ирина, женщина волевая, при других обстоятельствах ограничилась бы легкой и низкокалорийной едой. Здесь же, среди чужих людей, которые уж точно не стали бы упрекать ее, что она нарушила диету, она могла без оглядки позволить себе жирный окорок, курочку, сладости.

Первую ночь после застолья ночевали в этой же квартире, в спальне хозяев. Многочисленные родственники разошлись-разъехались по домам. Хозяйка, жена Валерия, Катя, долго не могла ус-

нуть, Ирина слышала, как она продолжает прибираться на кухне. Конечно, можно было выйти из спальни, предложить свою помощь, но простой женской работой это не ограничилось бы. Вытирая тарелки и фужеры, она непременно должна была бы отвечать на дежурные вопросы Кати, выслушивать какие-то истории. А Ирине этого не хотелось. Она уже давно приняла решение держаться от чужих людей подальше. У нее было две подруги, три приятельницы, проверенные и порядочные женщины, и этого общества Ирине хватало с избытком. К чему новое знакомство, погружение в чужую семью? Или — того хуже — воспоминания, связанные с темой студенческой дружбы мужей? Точнее даже, не воспоминания, а попытка предстать в роли всезнающей женушки. На самом деле она наверняка ничего не знает. Как и Ирина. Зачем ворошить старое?

Павел уже давно спал, сладко похрапывая во сне, и Ирина, разглядывая освещенное ночником лицо мужа, поймала себя на том, что жалеет его, понимает его желание подольше задержаться в Москве. Ведь там, в Саратове, ни одной свободной минуты. Даже дома его одолевают звонки. Он крупный чиновник, уважаемый в городе человек, его день расписан по минутам. Здесь же его никто не достает. Он с самого начала решил, что отключит свои телефоны — он уехал к другу

на юбилей и все. В родном городе его нет и не будет в ближайшие несколько дней. Каждый имеет право на личную жизнь. И не для того он приложил так много усилий, во многом себе отказывал, карабкаясь по чиновничьей лестнице, чтобы не иметь возможности просто отдохнуть.

Ирина склонилась над мужем и поцеловала его в щеку. Запах алкоголя, смешанный с запахом его духов. Приятно. Она провела ладонью по его волосам, затем еще и еще... Ты самый лучший мужчина в мире. Так она говорила ему в самые нежные минуты их близости.

Хотелось прижаться к нему и заснуть. Но сна не было. А это означало, что она только будет ворочаться рядом со спящим мужем, пока не разбудит его. Значит, надо занять себя чем-то, навевающим тему. Но чем?

Ирина поднялась с постели, села на кровати и оглядела еще раз придирчивым взглядом хозяйскую спальню. Нет, она не любила этот современный стиль — геометрия в черно-белых тонах, шкура зебры напротив железной кровати, лампа черного цвета. Холодные белые стены, ниши в стенах, заполненные сомнительными безделушками, белый ковер под ногами. Нет, не хотела бы она жить в таком доме. Здесь нет тепла, нет уюта, хотя наверняка все это стоит больших денег. Другое дело ее итальянская спальня с широкой деревянной кроватью с резной спинкой, туалетный

столик с зеркалом в рамке (настоящее произведение мебельного искусства!), пухлые мягкие кресла, настоящий персидский ковер!

И вдруг что-то произошло. Она и не сразу поняла что. Просто где-то в груди, внутри, все похолодело, и такая страшная тоска охватила, что стало страшно. Нехорошее предчувствие. Леденящий душу ужас. Что это? Откуда взялось? Ведь еще недавно она чувствовала себя счастливой и душа была спокойна. Она вспоминала застолье только для того, чтобы лишний раз признаться себе, что ее Паша — самый красивый и представительный мужчина из всех, кого она увидела на юбилее. Потом мысли ее унеслись домой, она вспомнила свою спальню, свой дом, дочь...

Вот. Вот откуда паника: страх за близкого человека. За Милу.

Нарастающий ужас был так велик, что Ирина, забыв, как только что думала о праве мужа отдохнуть, принялась безжалостно расталкивать его.

— Паша, Паша! Да проснись же ты! Так тревожно на душе... Как там Мила? У меня какое-то нехорошее предчувствие...

Павел что-то эмоционально, громко, но не просыпаясь, ответил, перевернулся на другой бок и захрапел снова.

— Паша... — зашипела на него жена. — Паша, проснись!!! Давай позвоним Миле!!!

И потом вдруг, на мгновение придя в себя, поняла, что может и сама позвонить дочери. Ничего, что звонок ночной. Лучше уж разбудить Милу и успокоиться, услышав ее голос, чем сходить с ума от неведения.

Успокаивая себя, Ирина отошла к окну, набрала номер.

Мила долго не отвечала, и Ирина, глядя на застывшие в февральском ночном оцепенении многоэтажки с редкими леденцово-слезящимися оранжевыми и желтыми окнами, представляла себе пустую девичью постель, распахнутое в ночь, в зимнюю пургу, окно...

Когда вдруг в телефоне щелкнуло и она услышала сонный и недовольный голос дочери, сердце ее бухнуло, замерло, а потом, придя в норму, вернулось к своему прежнему ровному ритму.

— Ма, ты чего? — простонала Мила, и Ирина представила ее себе — с распущенными волосами, в пижаме, с закрытыми глазами и сморщенным в капризной гримаске носиком. Такую хорошенькую, родную...

— Да так... Милочка... Сон нехороший приснился, — сказала она первое, что пришло в голову.

— Ты на часы смотрела? Почти два ночи!

— Ну извини... Вот когда будешь мамой, вспомнишь меня... Понимаешь, я соскучилась... Как-то непривычно, что мы уже два дня в гостях... Одно дело, у наших знакомых, и совсем

другое — здесь, я же здесь никого не знаю... Так скучно... Хотя люди, конечно, хорошие...

— Ты хочешь поделиться со мной впечатлениями? — оборвала ее Мила. — Я спать хочу... У меня даже глаза закрыты! Не открываются...

— Все-все, извини... Спокойной ночи...

— Вы когда приедете-то? — снизошла Мила до родственного тона.

— Не знаю... Но завтра, вернее, уже сегодня у них какая-то встреча... Кажется, поедут к своему общему другу, он здесь большая шишка... В ресторане будут сидеть. А вот чем я займусь — ума не приложу...

— По магазинам, ма, по магазинам... А вечером составишь компанию жене именинника... Как бишь его?

— Валерий.

— Вот! Все, ма, спокойной ночи... Ложись. И постарайся расслабиться.

Ирина закрыла телефон. Вот теперь она точно не уснет. Мила. Она — и как будто не она. Голос вроде ее, но тон словно чужой... Она всегда была такой ласковой, нежной. Идеальная дочь. И вдруг это «ма»... Капризная, раздраженная... Какая-то искусственная.

Конечно, глупо предполагать, что это на самом деле не она. Но Ирина с ее живым воображением быстро представила себе, что квартира разграблена, что там вповалку спят какие-то

посторонние люди, и среди них та самая девушка, которая разговаривала с ней вместо дочери...

А что? Она запросто могла спутать голоса. Телефон ведь искажает. И почему только она не догадалась расспросить ее о чем-нибудь таком, известном только двоим...

Она снова набрала номер. На этот раз Мила ответила сразу.

— Мам, ну ты чего? На самом деле так плохо?

— Да нет... Мила, скажи, мне никто не звонил?

— О боже! Мама, а ты не могла подождать до утра?

— Дочка, ну почему ты так разговариваешь? Грубишь?

— Я? Ты что? Просто я сплю...

— Так мне звонил кто или нет?

— Тетя Галя звонила, говорит, что перенесла свой день рождения, не хочет отмечать без тебя. И все с ней согласились...

— Ладно, извини... Больше сегодня звонить не буду.

— Так когда вы вернетесь?

— Я не знаю. А ты... ты что, соскучилась?

— Конечно...

— Целую тебя, милая...

— «Милая Милочка!» — передразнила ее Мила, и это был их пароль, знак, что они друга друга прощают, все в порядке. — И я тебя тоже целую. Успокойся. Все хорошо.